

ГОСУДАРСТВО МАНЬЧЖОУ-ГО ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ АНАЛИТИКОВ: ОТ «МАНЬЧЖУРСКОГО ИНЦИДЕНТА» (1931) ДО «КИТАЙСКОГО ИНЦИДЕНТА» (1937)

Аннотация: Государство Маньчжоу-го, созданное в марте 1932 года на территориях, оккупированных Квантунской армией осенью-зимой 1931/32 года, имело необходимые формальные атрибуты независимого, но с самого начала полностью контролировалось Японией и считалось «марионеточным». Большинство стран-членов Лиги Наций, включая Францию, а также СССР и США не признавали Маньчжоу-го де-юре, но не могли игнорировать его существование. Французские аналитики 1930-х годов оценивали характер государства Маньчжоу-го и проводимую там Японией политику в зависимости от своих предпочтений и общего видения событий на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии. Прокитайские авторы игнорировали Маньчжоу-го как «незаконное» (Жан Эскарра) или рассматривали его в контексте японской экспансии (Андре Виолли), прояпонские высоко оценивали модернизаторскую деятельность Японии (Жан Рэй, А.Р. Тюлье), нейтральные отдавали должное усилиям Японии по стабилизации и развитию региона (Морис Лашен).

Ключевые слова: Маньчжоу-го, Маньчжурия, Франция, Япония, экспансия, модернизация

Vassilij E. Molodiakov

STATE OF MANCHUKUO AS SEEN BY FRENCH ANALYSTS: FROM THE “MANCHURIAN INCIDENT” (1932) TO THE “CHINA INCIDENT” (1937)

Abstract: State of Manchukuo (Mandchoukouo in French) established in March, 1932 on the territories occupied by the Kwantung Army in Autumn 1931 – Winter 1932 had necessary attributes of the independent one, but from the very beginning was under Japanese total control and so was a “puppet-state”. Almost all member-states of the League of Nations, and also the USSR and the USA, did not recognize Manchukuo as a state de-jure but could not ignore its existence. French analysts of the 1930s viewed the nature of Manchukuo state and Japanese policy there according to their political preferences and general vision of the events in the Far East and North-Eastern Asia. Pro-Chinese authors ignored Manchukuo as “unlawful” (Jean Escarra) or saw it in the context of Japanese expansion (Andree Viollis), pro-Japanese ones highly appreciated Japanese activities for modernization (Jean Ray, A.R. Tullie), neutral ones paid tribute to Japan’s efforts for stabilization and development of the region (Maurice Lachin).

Key words: Manchukuo, Manchuria, France, Japan, expansion, modernization

Официальное провозглашение 1 марта 1932 года независимого государства Маньчжоу-го, созданного на территориях Северо-Восточного Китая, которые были оккупированы Квантунской армией осенью и зимой 1931/32 года, означало новый этап японской экспансии на континенте, выходящий за пределы традиционного раздела «сфер влияния», и попытку закрепить новый баланс сил в регионе. Это было сделано в качестве открытого противостояния «доктрине Стимсона» – официальной позиции США, изложенной в ноте государственного секретаря Генри

Стимсона от 7 января 1932 года – о непризнании возможных территориальных изменений в Маньчжурии в результате применения силы и «установления какого бы то ни было статуса де-факто», «включая договоры и соглашения, касающиеся суверенитета, независимости либо административной или территориальной целостности Китая», в условиях, когда «недавние военные операции, развернувшиеся вокруг Цзиньчжоу, уничтожили последний признак административной власти Китайской республики в Южной Маньчжурии в том виде, в каком она существовала там до 18 сентября» 1931 года [Стимсон, с. 66]. Позицию США поддержали Великобритания, Франция и вслед за ними большинство стран-членов Лиги Наций [Молодяков, 2018].

Создание Маньчжоу-го официально мотивировалось наличием движения за независимость Маньчжурии и ссылкой на принцип «права наций на самоопределение», введенный в широкий международный обиход в 1918 году президентом США Вудро Вильсоном и ставший одним из краеугольных камней нового, послевоенного миропорядка. Уже 27 сентября 1931 года, через девять дней после оккупации Мукдена частями Квантунской армии, японское телеграфное агентство «Рэнго» сообщило о создании в этом городе китайского комитета, готовящего объявление независимости Маньчжурии. 25 февраля 1932 года мэр Мукдена известил журналистов о скором провозглашении нового государства Маньчжоу-го во главе с «регентом» и со столицей в Чанчуне, о его пятицветном флаге и значении каждого из цветов, о названии эры правления. 8 марта последний император цинского Китая Айсин Горо Пу И, согласившийся стать «регентом» Маньчжоу-го, прибыл в Чанчунь и на следующий день в ходе торжественной церемонии, проходившей под контролем японских военных, официально принял пост. 11 марта были провозглашены временная конституция Маньчжоу-го и декларация прав его граждан. 12 марта страны, представленные консульствами на территории Маньчжурии, были официально извещены о создании нового государства, разорвавшего дипломатические отношения с Китаем, и приглашены к вступлению с ним в дипломатические отношения. Маньчжоу-го объявило о принятии на себя прежних обязательств Китайской республики на данной территории и обещало следовать принципу «открытых дверей» [Lévy, 1932, p. 181–186].

Маньчжоу-го имело необходимые формальные атрибуты независимого государства, но с самого начала полностью контролировалось Японией, хотя та не сразу признала его де-юре, стремясь создать прецедент признания другой страной: первой это сделала небольшая центральноамериканская республика Сан-Сальвадор (очевидно, что не без «усилий» со стороны Токио). Центральное правительство Китая в Нанкине официально протестовало против создания «марионеточного государства», каковое определение и закрепилось за Маньчжоу-го у тех, кто отказывался признать его.

Даже не признавая новое государство де-юре, игнорировать факт его существования было трудно. Среди французских аналитиков, работам которых посвящена настоящая статья, наиболее радикальную позицию занял профессор юридического факультета Сорбонны Жан Эскарра (1885–1955). Действовавший в Париже Европейский центр Фонда Карнеги в январе 1933 года пригласил его

прочитать курс из шести лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт». Специалист по гражданскому праву, Эскарра преподавал в парижском Институте китайских исследований, а в 1921–1929 годах работал в Китае юридическим советником национальных правительств и был одним из авторов Гражданского кодекса 1929 года, принятого режимом Чан Кайши. Эскарра заявил, что выступает не от китайской стороны, а лично от себя, т.е. анализирует и оценивает происходящее как независимый эксперт с точки зрения международного права, а не одной из конфликтующих сторон, но оговорка никого не ввела в заблуждение относительно позиции лектора [Молодяков, 2019, с. 233–235]. Создание Маньчжоу-го правоев демонстративно проигнорировал, поскольку отчет Комиссии Лиги Наций, известной как «комиссия Литтона», квалифицировал его создание как незаконное, а термины «маньчжоугоское правительство» и «маньчжоугоская армия» употреблял исключительно в кавычках [Lévy, 1932, p. 188].

«Верный обыкновению никогда не представлять вопрос только с одной стороны» [Escarra-Ray, p. 5], Европейский центр Фонда Карнеги вслед за Эскарра предоставил трибуну доктору права Жану Рэю (1884–1943), юридическому советнику японского посольства в Париже, который прочитал шесть публичных лекций «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии». Стенограммы обоих курсов вышли отдельной книгой. «Дуэль юристов» не только стала значимым эпизодом политико-пропагандистского противостояния Японии и Китая, но и отразила разность бытовавших во Франции точек зрения на дальневосточные события [Молодяков, 2019].

Рэй посвятил особую лекцию «Новому маньчжурскому государству» [Escarra-Ray, p. 231–255] как «вопросу, полностью обращенному в будущее». Он отметил, что формирование органов администрации на территориях, занятых японцами, началось из-за бегства чиновников режима маньчжурского диктатора Чжан Сюэляна и вызванной этим дезорганизации. Местные нотабли в сотрудничестве с японскими военными создали «комитеты поддержания порядка» в каждом крупном городе, что к началу 1932 года позволило им объединить усилия. Деятельность комитетов дала жизнь «движению за единство и независимость Маньчжурии», которое увенчалось созданием нового государства [Escarra-Ray, p. 233–235].

Признав вопрос о легитимности Маньчжоу-го основополагающим, Рэй отверг вывод «комиссии Литтона» о том, что оно является «искусственным продуктом Японии», во-первых, на основании известного аргумента о непринадлежности Маньчжурии к «собственно Китаю», во-вторых, указав на то, что этническая и цивилизационная близость не предполагает сама по себе государственного единства: «Азиатский путешественник, посетив Брюссель и Лилль, Женеу и Лион, не придет к выводу, что эти города должны непременно принадлежать одной стране», – и, в-третьих, напомнив о столь же существенных различиях между разными частями Китая [Escarra-Ray, p. 235–239]. Рэй заявил, что конституция Маньчжоу-го отражает волю его населения, с которым, как он напомнил, члены комиссии непосредственно не общались из-за незнания китайского языка, а полученные ими «письма от разных лиц» общим числом 1550 дезавуировал напоминанием о населении в 34 миллиона человек. Другой его аргумент звучал весомо применительно

к Европе после Первой мировой войны: «В Маньчжурии сейчас происходит то, что происходило в большинстве стран; движение за независимость – дело рук меньшинства, и так было почти везде» [Escarra-Ray, p. 239–242].

Представляя слушателям постановления и законы Маньчжоу-го, Рэй отметил, что важны не сами тексты, но «люди, которым поручено привести их в исполнение». Не скрывая особой роли японских «советников», он указал на обилие в государственном аппарате маньчжурских и китайских «старых кадров», что должно было подчеркнуть административную преемственность [Escarra-Ray, p. 245–249]. О «будущем такого сотрудничества» Рэй высказался с ожидаемым оптимизмом: «Если бы японцы хотели, как говорят их противники, создать марионеточное правительство, стали бы они искать наследника старой маньчжурской династии, человека, который в силу своей личности, в силу влияния своей семьи и всей исторической традиции, имеет в этой стране не сравнимый ни с чьим престиж? Этот выбор все объясняет: я уверен, что японцы действительно хотят, как они сами не раз заявляли, создать в Маньчжурии что-то новое, создать систему сотрудничества с местным населением. Как реализуется это сотрудничество? Будущее покажет. <...> Японские администраторы в Маньчжурии намерены осуществить масштабное экономическое развитие страны. <...> Еще рано судить о том, к чему могут привести эти усилия, но я уверен, что уже сейчас они представляют интерес и для местного населения, и для иностранцев. <...> Очевидно, что мы присутствуем при опыте, достойном осуществления и содействия» [Escarra-Ray, p. 249–255].

Рэй представлял позицию Токио, но аргументы японской стороны были признаны и независимыми аналитиками. Один из них – А. Р. Тюлье, биографические сведения о котором пока найти не удалось. Весной 1935 г. он представил юридическому факультету Университета Тулузы в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора права книгу «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций» (напечатана в Тулузе под маркой парижского издательства «Recueil Sirey», которое специализировалось на литературе по праву и выпускало среди прочих книги Эскарра и Рэя) и не позднее 27 апреля 1935 года получил искомую степень. Этим числом датирован его инскрипт на экземпляре в моем собрании, на обложке и титульном листе которого автор уже фигурирует как «доктор права»; другой вариант, представленный к защите в качестве диссертации, отличается лишь обложкой и титульным листом, на которых нет упоминания об ученой степени [Молодяков, 2019, с. 245–247].

Тюлье преследовал не политические, но академические цели, начав исследование первой фразой из предисловия Мишеля Монтэня к «Опытам»: «Это искренняя книга, читатель» [Tullié, p. 1]. Актуальность темы он мотивировал значением позиций Франции в Индокитае. Автор высоко оценил вклад Японии в экономическое развитие Маньчжурии после русско-японской войны, сделав акцент на его взаимовыгодном характере: сырье в обмен на инвестиции и технологии [Tullié, p. 110–111]. Поэтому создание Маньчжоу-го он, вопреки утверждениям о его «искусственности» и «полном подчинении японской политике», считал не только легитимным, но положительным фактом, напомнив о «тирании Чжанов, их прискорбных методах управления, вызванной ими невероятной финансовой разру-

хе и нищете, в которую их правление повергло все население». Причастность «Японии» к созданию нового государства требовала конкретизации, поскольку инициатива исходила не от правительства в Токио, не от МИД, военного министерства или генерального штаба, как обычно, но неверно утверждалось, – но от группы офицеров штаба Квантунской армии, что укладывалось в систему *гэко-кудзэ*, или подчинения верхов инициативе снизу [Toland, p. 3–12]. Тюлье справедливо указал на инструкции главы МИД Сидэхара Кидзюро и военного министра Минами Дзиро своим подчиненным в Маньчжурии о «невмешательстве» в происходящие события [Tullié, p. 339–340], хотя вряд ли представлял себе сложность ситуации, которая стала ясной лишь из документов и мемуаров, опубликованных после Второй мировой войны.

Тюлье призвал признать новое государство де-юре, не просто выразив уверенность в его жизнеспособности, но и утверждая его правовую совместимость с Договором девяти держав 1922 года и «общими принципами международного права», а также то, что «действия Японии в течение всего этого дела были полностью нормальными» [Tullié, p. 340–343]. Конкретные аргументы он заимствовал из более ранней работы французского юриста Э. де Вевра «Признание де-юре регентства Маньчжурии и Договор девяти держав» [de Vevre, 1932], которую подверг критике Эскарра. У нас нет оснований говорить о политическом резонансе диссертации Тюлье, но сам факт ее существования и одобрения высокой академической инстанцией показывает неоднозначность восприятия французской элитой 1930-х годов японской континентальной и колониальной политики, что отразилось не только в дуэли политически ангажированных юристов.

Нейтральную – точнее, равноудаленную – позицию в споре попытался занять Роже Леви (1887–1975), секретарь французского Комитета по изучению тихоокеанских проблем, а ранее активист Социалистической партии и автор апологетических брошюр о Фридрихе Адлере (1917) и Льве Троцком (1920). Работы этого автора о японо-китайских отношениях и о политике Франции на Дальнем Востоке заслуживают отдельного рассмотрения, поэтому остановимся пока на том, что он писал о Маньчжоу-го.

Первая книга Леви о дальневосточных событиях «Чья Маньчжурия?» [Lévy, 1932] вышла в издательстве «A. Pedone», специализировавшемся на юридической литературе и выпускавшем среди прочих книги Эскарра. Автор посвятил ее виднейшему французскому историку-китаисту того времени Полю Пеллио, что «читалось» как выражение симпатии к Китаю, но не признак политической ангажированности: Пеллио изучал религию, древнюю и средневековую литературу, причем не только китайскую, но также монгольскую, тибетскую и уйгурскую. Поставив вопрос об «определении агрессора» [Lévy, 1932, p. 7–9], автор не ограничился односторонним осуждением действий Японии, но рассмотрел ситуацию в Маньчжурии в исторической перспективе трех десятилетий, начиная с «боксерского восстания» 1900 г., и привел различные точки зрения, не солидаризирусь открыто ни с одной из них. Объективность автора должно было подчеркнуть обширное документальное приложение к книге, представлявшее позицию всех конфликтующих сторон. Короткая глава 11 «Маньчжоу-го или Маньчжурская страна» (в оригинале «*rays*»)

[Lévy, 1932, p. 181–191] выдержана в стиле «только факты». Среди прочего автор сообщил, что «население Маньчжурии не встречало ликованием ни новое правительство, ни Пу И», добавив: «В Маньчжурии царят смятение и нестабильность, на искоренение которых претендует новая власть. <...> Правительству Маньчжоу-го потребуется много усилий, терпения и материальных средств, чтобы преодолеть такое умонастроение и заставить понять, что порядок и умиротворение соответствуют общим интересам» [Lévy, 1932, p. 187, 190].

Рассматривая в книге «Дальний Восток и Тихий океан» [Lévy, 1935] регион как арену взаимодействия великих держав: Китая, Японии, России / СССР, Великобритании, США, Франции и Германии, – Леви не отвел Маньчжоу-го отдельной главы, но лишь раздел в главе о Японии (аналогично разделы о Внешней Монголии (МНР) и Синьцзяне включены в главу «Русские успехи в Азии»). Однако, встречая на предшествующих страницах замечания о Маньчжурии как «последнем завоевании» Японии или территории, «помещенной под ее сюзеренитет» [Lévy, 1935, p. 26, 63], читатель понимал, что автор не признает самостоятельность Маньчжоу-го наравне с другими государствами. В популярной книге, адресованной широкому читателю, Леви тщательно подбирал выражения и формулировки. «Очистив Маньчжурию от бандитов и заполонивших ее вооруженных банд, Япония сумела удержаться от желания аннексировать ее. Она породила государство, дала ему независимость и жизнь. Она проявила уважение к традициям, возведя на трон настоящего наследника маньчжурской династии». И следом сделал вывод: «Маньчжурия – творение Японии. Она может существовать только под ее покровительством. <...> Это специфический режим, по форме близкий к нашим протекторатам», т. е. Марокко, Тунису, Аннам и Камбодже [Lévy, 1935, p. 95]. В широко разрекламированных японских планах экономического развития Маньчжурии Леви усмотрел лишь намерение сохранить ее в качестве источника первичного сырья, добавив: «Она (Япония – *В. М.*) хочет предотвратить подъем страны (Маньчжоу-го – *В. М.*) за счет своего железа, угля или конкурентоспособной металлургии. <...> Ей позволят оставить лишь то производство, которые не считается нежелательным для метрополии. <...> В финансовом отношении Маньчжоу-го обладает огромным преимуществом перед своими соседями Японией, Китаем и Кореей: его экспорт экономически превышает импорт» [Lévy, 1935, p. 96–98]. Иными словами, он считал Маньчжоу-го не колонией, как некоторые антияпонски настроенные авторы, но «новым государством», экономически зависящим от могущественного «сюзерена» [Lévy, 1935, p. 99]. Раздел о Маньчжоу-го в главе о Японии завершают короткие параграфы о Внутренней Монголии как «лимитрофе Маньчжурии», претендующем на автономию под японским покровительством [Lévy, 1935, p. 100–102], и о Корее как «находящейся под японским сюзеренитетом», без употребления слова «колония». «Японская интервенция в Маньчжурии была представлена корейцам и принята ими как возможность улучшить их экономические условия», – заключил аналитик [Lévy, 1935, p. 102].

Из французских журналистов, добравшихся в это время до Японии следует отметить Андре Виолли (1870–1950; в старых русских переводах: Виоллис/Виолис) и Мориса Лашена (1909–1977). Книга «королевы репортажа» [Jeandel] Виолли

«Япония и ее империя» [Viollis] собрала большую аудиторию во Франции и в 1934 году вышла в СССР в русском переводе. Верная традициям «большого репортажа», которые предполагали максимальную информативность и минимальную ангажированность, позицию «поверх страстей», как в заглавии ее книги 1928 года об Эльзасе и Лотарингии, Виолли не могла открыто принять ни японскую, ни китайскую сторону при явной симпатии ко второй. Она демонстрировала сочувствие угнетенным народам в книге «Индия против англичан» (1930) и осуждала колониальную политику Франции в книге «Индокитай S.O.S.» (1935; предисловие Андре Мальро), фрагменты которой были изданы в СССР в многотиражной серии «Библиотека “Огонек”» (1936). Рассказ об идеологии, задачах и перспективах японской экспансии и о «японском фашизме» давал необходимый материал для обличения: именно так книга Виолли использовалась советской пропагандой. Добавлю, что побывавшая в Японии весной-летом 1932 года журналистка параллельно с «политической» книгой набрала материал на книгу «Интимная Япония» (1934), написанную в деполитизированном жанре «очерков нравов».

«Королева репортажа» приехала в Японию из Шанхая, где наблюдала японскую экспансию и сопротивление ей. Статьи об этом, регулярно публиковавшиеся в газете «Le Petit Parisien», составили книгу «Шанхай и судьба Китая» (1933). До Маньчжурии Виолли не доехала, но обсуждала происходившие там события с влиятельными и информированными собеседниками в Токио. Изложив читателям официальную позицию Японии и отметив единодушие прессы в отношении ее «беспорных прав» на Маньчжурию, она охарактеризовала Маньчжоу-го как «ленное владение» или «феод» японской армии, используя исторический термин «fief» [Viollis, p. 27]. Военный министр генерал Араки Садао, считавшийся идеологом внешней экспансии и внутренних преобразований в национал-реформистском («фашистском») духе и даже рассматривавшийся как потенциальный диктатор, откровенно заявил: «Мы тридцать пять лет сражались за Маньчжурию в двух войнах, где рекой лилась японская кровь. Маньчжурия ценна для нас не только в экономическом, но и в стратегическом отношении. Она является частью оборонительной системы Японии. <...> Там создается новое государство. Если оно будет и впредь лояльно относиться к нам, мы не откажем ему ни в экономической, ни в военной помощи. Мы хотим сделать из этой страны рай земной, где все смогут жить и процветать. Мы не позволим нападать на нее или разлагать ее» [Viollis, p. 31–32]. В разговоре с иностранкой генерал был сдержан, но незадолго до того заявил на «митинге, организованном патриотическим обществом»: «Ни Лига Наций, ни Москва нас не остановят. Мы никогда не свернем с нашего пути и готовы преодолеть все препятствия» [Viollis, p. 33].

«Франция, столь страдающая угнетенным народам, поймет, почему мы помогли этому государству установить у себя порядок и мир. Мы не пытаемся поработить его, у нас нет никаких территориальных притязаний». – уверял французскую гостью некий новоизбранный депутат парламента. Когда он закончил, организовавший встречу либеральный профессор, друг депутата и знакомый Виолли, резко заявил: «Все это чудовищная ложь, и вы хорошо это знаете. Не верьте. Государство Маньчжоу-го – творение японской армии, Пу И – ее манекен. Армия связала

Маньчжоу-го по рукам и ногам, управляет всеми органами пресловутого государства, его войсками, финансами, полицией. <...> Это ее феодал, ее владение, которое она никогда не бросит, даже если того потребует правительство. Но оно не потребует, потому что армия точно так же хозяйничает и здесь. Не перебивайте, – отвел он попытку депутата запротестовать. – Вы отлично знаете, что мы движемся по пути к фашизму и, возможно, находимся накануне военной диктатуры». «Не тратьте время на маньчжурскую проблему, – заключил профессор, обращаясь к журналистке. – Достаточно знать, что, согласно официальным заявлениям, там есть только сторонники Японии и бандиты. Так что это второстепенный вопрос» [Viollis, p. 35–38].

Вняв совету, Виолли уделила основное внимание в книге внутреннему положению Японии, особенно «мощному движению, которое пока можно назвать фашистским за неимением иного слова» [Viollis, p. 51], но еще две цитаты по нашей теме заслуживают внимания. «Мы взяли и сохраним Маньчжурию для нашего народа, для храбрых людей, которые трудятся и страдают», – привела она слова молодого офицера штаба Квантунской армии, одного из «умных, энергичных, амбициозных» людей, не хотевших видеть новое государство во власти банкиров и капиталистов [Viollis, p. 66]. «Я враг империалистических войн, – заявил гостю Акамацу Кацумаро, профсоюзный вождь, в прошлом один из основателей Коммунистической партии Японии, ставший к тому времени национальным социалистом, – но я уверен, что Маньчжурия необходима для экономического будущего японских трудящихся. <...> Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров; я верю в его искренность и убежден, что с его помощью мы создадим социалистическое государство, которое объединит Японию и Маньчжурию» [Viollis, p. 150].

Журналистская известность Мориса Лашена, ограничившаяся 1930-ми годами, началась с книги «Япония 1934» [Lachin], за которой последовали «IV-ая Италия» (1935), «Эфиопия и ее судьба» (1935) и «Капиталистический Китай» (1938). Дебют он посвятил влиятельному критику Бенжамену Кремье, который, видимо, покровительствовал автору.

Побывавший в Японии в августе-сентябре 1933 года, Лашен, в отличие от Виолли, добрался до Маньчжоу-го, предварительно посетив Корею (восприятие иностранцами японской политики в Корее – отдельная важная тема). «Маньчжурская реальность», как автор озаглавил главу 15 книги, ему в целом понравилась. Описывая первые минуты пребывания на территории нового государства, а именно прохождение паспортного контроля на границе с Кореей, журналист отметил, что документы проверял «молодой китаец, у которого все родные живут в Китае, который изучал право в Пекине и был счастлив получить, по протекции, место в государственном аппарате Маньчжоу-го, причем без малейших возражений со стороны родственников, многие из которых, как он пояснил, служат в администрации нанкинского правительства, – те были счастливы, что их кузен или племянник нашел хорошее местечко» [Lachin, p. 187]. Из этого автор сделал вывод – возможно, несколько поспешный: «У китайцев полностью отсутствует та идея национальности – я не говорю о патриотизме – которая составляла силу древнего Рима» [Lachin, p. 188].

«Китайцы равнодушны к подобным вещам. Чего они требуют, так это возможности есть, пить и зарабатывать деньги. Все прочее – литература», – неоднократно слышал Лашен от местных жителей, даже если последнюю фразу, звучащую слишком по-верленовски, придумал сам. [Lachin, p. 191]. Отметив присутствие в Маньчжоу-го большого числа китайцев из северных провинций, он пояснил, что граница для них фактически открыта, как и для перемещения в обратном направлении. «Какое еще требуется более убедительное доказательство превосходных отношений между Китаем и Маньчжурией, чем эта свобода перемещения для жителей обеих стран?», – парировал он расхожие утверждения о китайско-маньчжурском антагонизме [Lachin, p. 188]. «Где же очаги сопротивления японскому господству в новом государстве? Где весь этот восставший народ, о котором нам так много вешали в Женеве?» – вопрошал он. «Враги режима? Да сюда валом валят китайцы, всего лишь два-три года назад окончившие университеты в Пекине, Шанхае и даже Нанкине, чтобы найти местечко в администрации нового государства. <...> В Маньчжурии мы служим правительству Маньчжоу-го, в Китае – нанкинскому правительству», – пояснил собеседник-китаец. Другой китаец из местной администрации обмолвился, что «возможно, скоро поедет в наше посольство в Лондон». На недоуменное замечание француза, что у Маньчжоу-го нет дипломатических отношений с Великобританией, он невозмутимо ответил: «Говоря о нашем посольстве, я имел в виду китайскую миссию в Лондоне. Мой отец служил дипломатом, и многие мои родственники аккредитованы при Сент-Джеймском дворе» [Lachin, p. 191–192].

Бросавшееся в глаза пребывание японской армии в Маньчжоу-го Лашен объяснил тем, что страна «завоевана, но еще не замирена», и поделился наблюдением: «Рядом с японскими солдатами чувствуешь себя в безопасности, но, оказавшись в одиночестве среди солдат нового государства, хочется как можно скорее оказаться у себя дома» [Lachin, p. 188]. «В маньчжурских и японских газетах нередко можно прочитать, что подразделения маньчжурской армии взбунтовались или перешли к бандитам с оружием и снаряжением» [Lachin, p. 194]. Разница между солдатами и бандитами в Китае, пояснил Лашен, вообще невелика: «Первые служат генералу, то есть бандиту, который объявил себя таковым и принес присягу на верность центральному правительству или губернатору провинции. Вторые служат генералу вне закона, которому завтра, может быть, будут оказаны высочайшие почести» [Lachin, p. 193]. И привел диалог с одним из местных чиновников: «Что испытывает маньчжурский народ по отношению к японцам? – Удивление. – Как это? Поясните, пожалуйста. – Китайское население Маньчжурии удивлялось тому, что японские солдаты платят за то, что берут. В Китае веками не видали такого, чтобы солдаты платили за то, что берут. – А раньше? – Торговец был счастлив, если отделялся от солдата цыпленком» [Lachin, p. 192–193].

Если настоящее нового государства, по заключению Лашена, зависит от японской армии, которая обеспечивает его безопасность, то будущее – еще и от японских капиталов, необходимых для экономического развития, поскольку одно лишь наличие природных ресурсов развития не обеспечивает. «Пока Япония сильна, – прямо заявил француз высокопоставленному лицу из японского МИД, – Маньчжоу-

го будет развиваться; но если однажды ваша страна потеряет силу, существование Маньчжоу-го окажется под угрозой» [Lachin, p. 202–203]. События августа-сентября 1945 года полностью подтвердили правоту его предсказания. На опыте Кореи автор высоко оценил колониальную политику Японии, «продемонстрировавшей решимость быстро преобразовать отсталую во всех отношениях страну в авангард промышленного прогресса» [Lachin, p. 195–196]. Приводимые им цифры официальной статистики настраивали на оптимистический лад. В том же духе Лашен оценил перспективы японской «демографической экспансии» на континент, но подчеркнул, что «Япония не хочет *политически* аннексировать Маньчжоу-го», сравнил его, для французской аудитории, с Цизальпинской республикой, созданной в 1797 года генералом Наполеоном Бонапартом на севере Италии [Lachin, p. 200, 202]. Дав читателю понять, что о подлинной независимости речь не идет, он осторожно назвал существующий режим «диархией, двумя головами которой являются Пу И и японский посол». «Японский посол – не простой дипломат, – пояснил Лашен. – В первую очередь он – командующий Квантунской армией. <...> Он больше, чем посол, он вице-король! <...> Посольство Японии в Маньчжурии больше похоже на администрацию, чем на дипломатическое представительство» [Lachin, p. 203–204].

Несмотря на молодость и малую известность (в 1933 году автору было 24 года, и он готовил дебютную книгу), Лашен был принят первыми лицами – Пу И и его министрами, командующим Квантунской армией генералом Хисикари Такаси и начальником ее штаба генералом Койсо Куниаки, будущим генерал-губернатором Кореи и премьер-министром Японии. Пу И согласился ответить на «острые» вопросы, но ответы оказались предсказуемыми. Он заявил, что согласился стать регентом без какого-либо давления извне, а только в силу «моральных обязательств перед бывшими подданными, которые попросили [его] снова занять трон [его] предков», и не намерен распространять свое влияние за пределы Маньчжурии, если только «китайский народ, которому надоело жить в анархии, не призовет [его] к власти» [Lachin, p. 208–210]. «Мы совершенно не намерены поощрять расширение Маньчжоу-го. Ошибочно видеть в его рождении первый этап военных операций более широкого масштаба», – уверял генерал Хисикари, оговорив при этом, что Япония «не может без тревоги смотреть на русских, устраивающих всяческие провокации на границах Маньчжурии» [Lachin, p. 210–211]. На вопрос о том, «не приведет ли нынешняя ситуация к конфликту с Россией», генерал Койсо, которого называли «крестным отцом» Маньчжоу-го, ответил: «Надеюсь, что не приведет, что, напротив, Маньчжоу-го станет фактором стабилизации и послужит укреплению мира, угроза которому действительно существует» [Lachin, p. 220]. А что еще они могли сказать...

Было бы несправедливо считать книгу Лашена, содержание которой выходит далеко за пределы проблем Маньчжурии, прояпонской пропагандой. Она отразила разнообразие оценок и мнений, бытовавших во французской политической аналитике и журналистике. «Китайский инцидент» 1937 года не только изменил ситуацию в регионе, но и поляризовал оценки происходящего. Эту тему автор намерен исследовать в дальнейшем.

Список литературы

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: вокруг «Маньчжурского инцидента» // Япония. Ежегодник. 2018. Т. 47. М. : АИРО-XXI, 2018. С. 203–219.

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов» // Япония. Ежегодник. 2019. Т. 48. М. : АИРО-XXI, 2019. С. 228–249.

Стимсон Г. Л. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М. : Соцэкгиз, 1938. 16+196 с.

Escarra J. Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations / Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris : Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Jeandel A.-A. Andrée Viollis : une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939. Paris : L'Harmattan, 2006. 272 p.

Lachin M. Japon 1934. Paris : Gallimard, 1934. 252 p.

Lévy R. A qui la Mandchourie! Paris : A. Pedone, 1932. 294 p.

Lévy R. Extrême-Orient et Pacifique. Paris : Armand Coline, 1935. 220 p.

Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. New York : Random House, 1970. 956 p.

Tullié A. R. La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations. Paris : Recueil Sirey, <1935>. 379 p.

de Vevre E. La reconnaissance de jure de la Régence de Mandchourie et le Traité des Neuf Puissances. Paris : Rousseau, 1932. 137 p.

Viollis A. Le Japon et son empire. Paris : Grasset, 1933. 266 p.

References

Escarra, J. (1933). *Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations* // Ray, J. (1933). *La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie*. Paris, Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939*. Paris, L'Harmattan. 272 p.

Lachin, M. (1934). *Japon 1934*. Paris, Gallimard. 252 p.

Lévy, R. (1932). *A qui la Mandchourie?* Paris, A. Pedone. 294 p.

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Paris, Armand Coline. 220 p.

Molodiakov, V. E. (2018). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii : vokrug "Manchzhurskogo intsidenta" [Japanese Colonial Policy as Seen from France: around "Manchurian Incident"]. In: *Yaponiya. Ejegodnik. 2018*. TT. 47, pp. 203–219.

Molodiakov, V. E. (2019). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii : "Manchzhurskiy intsident" i "duel' yuristov" [Japanese Colonial Policy as Seen from France : "Manchurian Incident" and "Jurists' Duel"]. In: *Yaponiya. Ejegodnik. 2019*. T. 48, pp. 228–249.

Stimson, H. L. (1938). *Dal'nevostochnyi krizis. Vospominaniya i nablyudeniya* [The War Eastern Crisis. Recollections and Observations]. Moscow, Sozgekiz, 1938. 16+196 p.

Toland, J. (1970). *The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945*. New York, Random House. 956 p.

Tullié, A. R. (1935). *La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Paris, Recueil Sirey. 379 p.

de Vevre, E. (1932). *La reconnaissance de jure de la Régence de Mandchourie et le Traité des Neuf Puissances*. Paris, Rousseau. 137 p.

Viollis, A. (1933). *Le Japon et son empire*. Paris, Grasset. 266 p.

The article was submitted on 22.02.2020